

Глава 81. Бред (20)

На следующий день после моего визита к Эстель она стала следовать за мной, словно тень.

Мы вместе обедали в столовой академии, прогуливались по берегу озера и проводили время, сидя бок о бок в укромном уголке библиотеки.

До сих пор я старался не привлекать к себе внимания, но теперь, кажется, в этом уже не было особого смысла.

С того самого дня Серафина ни разу не пришла ко мне.

Не знаю, избегала ли она меня, но мы даже случайно не сталкивались в коридорах.

Я несколько раз подходил к её комнате, но каждый раз она казалась пустой.

А может, она просто притворялась, что не слышит стука, и сидела взаперти.

Я не хотел, чтобы все вокруг были счастливы.

Хоть и смутно, но я надеялся, что на этот раз всё станет лучше, чем прежде.

Но каждый раз, когда я пытался что-то сделать, всё шло наперекосяк и рушилось, отчего раскалывалась голова.

Внезапно в голову пришла мысль.

Может, из-за осознания, что я могу вернуться, мне просто снести себе голову, избавиться от допущенных ошибок и начать всё сначала?

Ведь если я умру и начну заново, всё, что я сделал, исчезнет, и всё вернётся на круги своя.

А если не смогу вернуться — может, оно и к лучшему.

Ведь я должен был умереть ещё в тот день, когда прострелил себе голову на глазах у Левины.

Но если я вернусь, мне придётся снова повторять всё то же самое.

Если мне повезёт, я помирюсь с Серафиной, как-нибудь замну дело с расторжением помолвки и женюсь на ней, но тогда ко мне наверняка прицепится Левина.

А если я встречу с Эстель, чтобы убрать Левину, и попрошу её о помощи, то в итоге мне придётся быть с Эстель.

Ведь всё, что у меня есть, — это моё тело.

Женщину, у которой нет ни навыков, ни достояния, ни способностей, и которая вынуждена продавать свою более-менее сносную внешность, чтобы выжить, называют шлюхой.

По крайней мере, моя мать такой не была.

Её, красивую девушку из простолюдинов, жившую довольно зажиточно, просто соблазнил знатный герцог.

По сравнению с ней, я... я ничем не отличаюсь от мужчины-проститута, у которого нет ничего,

кроме тела.

Ведь всё, что я делал до сих пор, — это использовал своё тело как приманку, играл с чужими чувствами, не испытывая ничего в ответ, и получал за это плату.

Даже размышляя об этом, я ощущал тревогу.

А что, если церковь под каким-нибудь благовидным предлогом снова вытащит меня на площадь и поставит на костёр?

Эгоистичный, бездарный, вечно мечущийся из стороны в сторону человек.

Те, кто мог сказать такому человеку, что любят его, должно быть, все не в своём уме.

Левина, Эстель — они были не в своём уме.

В этом я был уверен.

Однако Эстель больше не таскала меня по ночам убивать кого-то и не шептала, что видит в одном человеке другого, как раньше.

Она просто смеялась, разговаривала и иногда держала меня за руку.

Так прошло несколько дней.

Сегодня я ехал с Эстель в карете, направлявшейся в неизвестном направлении.

Внутри было тихо.

Лишь равномерно стучали колёса по гравийной дороге.

Эстель, облокотившись на раму, смотрела в окно.

— Теперь, наверное, не найдётся тех, кто не признает тебя главой семьи или будет открыто высказывать свою неприязнь, — лениво проговорила Эстель.

— Ещё бы, кто осмелится что-то сказать, когда рядом сама святая, не так ли?

Вместо ответа я, глядя в окно, спросил.

За нами тянулась бесконечная процессия.

— Обязательно было тащить с собой столько народу?

— Нужно же показать тем, кто последует за тобой, кто тебя сопровождает, — ответила Эстель.

За нашей каретой следовало множество других.

Говорили, что в них едут священники, преданные одной лишь Эстель.

А рядом с нашей каретой на лошадях скакали люди в доспехах и с мечами.

Вскоре карета остановилась перед особняком, и железные ворота мучительно медленно открылись.

Эстель вывела меня из кареты.

И мы пешком вошли на территорию особняка.

Охранники пытались преградить путь многочисленным священникам, вышедшим вслед за Эстель, но, услышав мой приказ пропустить, они узнали меня и тут же отступили.

Мы вошли в главный корпус.

Эстель проходила мимо слуг, заглядывая каждому прямо в глаза.

Все, на кого падал её взгляд, опускали головы.

В особняке царила какая-то суматоха.

Охранники и изредка попадавшиеся рыцари выглядели напряжёнными.

— Пойдём в твою комнату? — спросила Эстель и тут же пробормотала, словно про себя: — А, нет. Левина как-то говорила, что здесь есть что-то вроде оранжереи.

Услышав это, я повёл Эстель в оранжерею.

Когда я прогнал всех, кто пытался последовать за нами внутрь, мы с Эстель остались одни.

За стеклянными стенами виднелись их смутные силуэты.

Вскоре слуги принесли еду и напитки.

Мы сели друг напротив друга за белый металлический столик и слегка смочили губы чаем.

— Итак, Лавин. Ты хоть и делаешь кучу глупостей, но ты же не идиот, — сказала Эстель, ставя чашку на стол.

Тихий звук нарушил тишину оранжереи.

Я молча пил чай.

Терпкий вкус оставался на кончике языка.

Эстель, привыкшая к моему молчанию, продолжила.

Её голос был томным и мягким.

— Как там дело с расторжением помолвки с той девчонкой?

— После той ссоры мы ни разу не виделись.

— Ещё бы. Та подвеска, что ты разбил, довольно дорогая. Она, наверное, сейчас с утра до ночи вкалывает: и на занятия ходит, и бегаёт повсюду, подрабатывая заклинательницей за гроши. Кстати, деньги можешь не возвращать, если расторгнешь помолвку.

Я впервые слышал об этом, поэтому, посмотрев на неё мгновение, ответил:

— Я ведь могу заплатить за неё.

— Даже если дашь, она не возьмёт. А если ты передашь деньги Серафине, чтобы та вернула долг, я обвиню твою невесту в краже драгоценной святой реликвии и брошу её в подземелье.

Эстель лучезарно улыбнулась.

— Неловко говорить такое, лишив тебя всех вариантов, но я всё же хочу услышать это лично. Может, ты наконец дашь мне ответ?

Я поставил чашку и посмотрел на неё.

Солнечный свет, проникавший сквозь стеклянный потолок, ослепительно освещал её серебристые волосы.

— Разве святой можно выходить замуж?

На мой вопрос Эстель рассмеялась.

Звук был чистым, как звон бокалов.

— Бог повелел плодиться и размножаться, что за шутки?

Она наклонилась вперёд.

Её алые глаза впились в меня.

— Все те, кто пытался тебе пакостить, теперь поджали хвосты и молчат. А того способного представителя боковой ветви, которого привели люди герцогини, я лично похоронила. Долго ещё будешь притворяться, что ничего не знаешь?

Эстель швырнула чашку с блюдцем в сторону от стола.

Дзынь!

Белый фарфор разлетелся вдребезги об кафельный пол.

Острые осколки разлетелись во все стороны.

Она встала и подошла ко мне.

Схватив меня за грудки, она впилась в мои губы.

Поцелуй был грубым и жадным.

Горький аромат чайных листьев смешался с её сладким дыханием.

Оторвавшись от моих губ, она нежно погладила моё лицо и прижала меня к стене.

Спиной я ощутил холодное прикосновение стекла.

— Скажи, что любишь меня. Ты же сам научил меня всему: целоваться, обниматься, быть настойчивой, — прошептала она. — Так скажи, что хочешь жениться на мне. Даже если это ложь, а?

— ...Больно, отпусти.

В ответ Эстель прижалась ко мне ещё теснее.

Её тело было мягким и тёплым.

Мне показалось, что она может меня задушить.

Я схватил Эстель за волосы и целовал её несколько минут.

Я чувствовал её горячее дыхание.

Затем я отстранил её и спросил:

— Так пойдёт? Теперь мне нужно расторгнуть помолвку с невестой и стать заменой твоему брату?

— При чём здесь вдруг мой брат?

— Ты ведёшь себя как Левина.

Её лицо застыло, но губы по-прежнему улыбались.

— Хочешь свадьбу — я женюсь на тебе.

Сказав это, я крепко обнял Эстель и, поглаживая её шею, произнёс:

— Так сделай меня главой семьи. Я расторгну помолвку. Я скажу, что люблю тебя. Буду целовать тебя сколько угодно и проводить с тобой ночи, если мы будем предохраняться.

— ...

— Но рожать от тебя детей я не собираюсь. Потому что даже если у нас с тобой родится нормальный ребёнок, он никогда не сможет нормально вырасти.

Услышав это, Эстель с ошеломлённым и печальным видом проговорила:

Её зрачки задрожали, и из глаз покатилась слеза.

В алых глазах она выглядела как кровавая слеза.

— Если нет плода любви, значит, и любви нет.

<http://erolate.org/book/1526/189259>